

Если бы не один Вяземский с каким-то Богуславским, а все близкие и далекие друзья Пушкина дружным хором свидетельствовали, что Клеопатра — это Завадовская, мы в праве им не поверить и не признать за их свидетельством решительно никакой ценности. Отыскивать прототипы к художественным образам — задача, в общем, довольно пустая. Может быть, рисуя свою Клеопатру Невы, Пушкин не имел в виду ни Закревскую, ни другую какую-либо живую женщину. Но одно можно сказать с совершенною несомненностью: во всяком случае он имел в виду не Завадовскую.

В. Вересаев

VI

Из писем П. А. Вяземского к жене от 1830 года

В конце января, в начале февраля 1830 года Пушкин писал из Петербурга Вяземскому: «Я собираюсь в Москву, как бы не разъехаться», а 1 марта Вяземский уже из Петербурга сообщал жене: «Пушкина видел, он собирается в Москву». Бенкендорф в письме от 17 марта Пушкину выражал неудовольствие по поводу внезапного отъезда его в Москву и на оправдание Пушкина¹ в письме от 3 апреля писал: «*Mais je dois vous avouer, que votre dernier départ précipité pour Moscou a dû éveiller des soupçons*». ² Очень любопытное добавление имеется в неопубликованных еще письмах Вяземского к жене: «Пушкин уехал в Москву. Зачем это? *Quelle mouche l'a piqué?*»³ — спросил Николай I Жуковского, и на ответ Жуковского, что он не знает причины, продолжал: «один сумасшедший уехал, другой сумасшедший приехал». ⁴ Под вторым сумасшедшим подразумевался Вяземский, что видно из дальнейшей беседы Николая I с Жуковским. «По некоторым приметам полагаю, — пишет Вяземский в другом письме⁵ к жене, — что они приписывают какое-то тайное единомыслие в приезде моем сюда и в отъезде Пушкина в Москву».

¹ Письмо от 21 марта 1830 года, Москва, «Переписка Пушкина», под ред. В. И. Саитова.

² Но я должен признаться, что ваш последний стремительный отъезд в Москву должен был возбудить подозрения.

³ Какая муха его укусила?

⁴ Суббота [12 апреля?].

⁵ 25 [марта].

Письма Петра Андреевича Вяземского из Петербурга к его жене Вере Федоровне, остававшейся в Москве, куда уехал Пушкин, обнимают время от 10 марта до 4 августа и среди богатого литературно-бытового материала заключают в себе новые сведения, говорящие о предполагавшейся женитьбе Пушкина.

Живейший интерес к женитьбе Пушкина не только Вяземского, но всех петербургских друзей и знакомых поэта можно наблюдать в письмах Петра Андреевича. Говоря в них иногда совсем о чем-либо другом, он все же прибавляет: «что же женитьба Пушкина?»

Удивление, полное недоверие к сообщаемым Верою Федоровною известиям о женитьбе и осуждение поведения поэта слышатся в первых письмах: «Скажи Пушкину, что здешние дамы не позволяют ему жениться, начиная от Мещерской¹ до Багреевой,² которой он видно нужен. Да, неужели в самом деле он женится?»³

«Ты меня мистифицируешь заодно с Пушкиным, рассказывая о порывах законной любви его. Неужели он в самом деле замышляет жениться, но в таком случае, как же может он дурачиться? Можно поддразнивать женщину, за которою волочишься, прикидываясь в любви к другой, и на досаде ее основать надежды победы, но как же думать, что невеста пойдет, что мать отдаст дочь свою замуж ветреннику или фату, который утешается в горе. Какой же был ответ Гончаровых? Впрочем, чем больше думаю о том, тем больше уверяюсь, что вы меня дурачите. Ведь я не Элиза,⁴ а только определяющийся друг ее. Что мне: женится ли Пушкин или нет. Я же и не влюблен в Гончарову: что мне за дело, идет ли она замуж или нет. Напротив, нашему же брату лучше. Милости просим. Убытка нам тут не будет».⁵

«Ты все вздор мне пишешь о женитьбе Пушкина: он и не думает жениться. Что за продолжительные мистификации? Повторяю, я не Элиза».⁶

¹ Мещерская Екатерина Николаевна — рожд. Карамзина, старшая дочь историографа от второго брака.

² Фролова-Багреева Елизавета Михайловна — дочь М. М. Сперанского, писательница.

³ Вербное воскресенье [30 марта].

⁴ Элиза — Елизавета Михайловна Хитрово, рожд. Голенищева-Кутузова, в первом браке гр. Тизенгаузен. См. Полное собр. соч. П. А. Вяземского, т. VIII, стр. 493, и «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Л. 1927.

⁵ Без даты.

⁶ 21 апреля.

Уверившись в женитьбе Пушкина, Вяземский передает впечатление петербургского общества, причем как в предыдущих отрывках, так и в последующих отмечает отношение Е. М. Хитрово к Пушкину и его женитьбе. Сам он говорит о женитьбе с тревогою за будущую участь Пушкина; слышится и забота о материальном положении поэта.

В тот день, в который Вяземский писал поздравительное письмо Пушкину, писал он и жене: «Нет, ты меня не обманывала, мы сегодня на обеде у Сергея Львовича выпили две бутылки шампанского, а у него по пустому пить двух бутылок не будут. Мы пили здоровье женихов. Не знаю еще, радоваться ли, или нет счастьем Пушкина, но меня до слез тронуло письмо его к родителям, в котором он просит благословения их.¹ Что он говорил тебе об уме невесты? Беда, если в ней его нет: денег нет, а если и ума не будет, то причем же он останется с его ветренным нравом?»²

«Спроси у Пушкина новую трагедию *Hugo Hernani*. Он ее получил от Элизы, которая с большим самоотвержением и великодушием приняла известие о женитьбе его.³ Здесь все спорят: женится ли он? Не женится. И того и смотри, что откроются заклады о женитьбе его, как о вскрытии Невы. Пишет ли он к тебе?⁴ Я желал бы, чтобы государь определил ему пенсию, каковую получают Крылов, Гнедич и многие другие. Я уверен, что если бы кто сказал о том государю, он охотно бы определил. Независимость состояния необходимо нужна теперь Пушкину в новом его положении. Она будет порокою нравственного благосостояния его. Не понимаю, как с характером его выдержит он недостатки, лишения, принуждения. Вот главная опасность, предстоящая в новом положении его».⁵

«Кланяйся Пушкину. Когда же он женится?»⁶

«Дай Толстому⁷ или доставь Толстому *L'âne*⁸ и *Fra-*

¹ См. «Письма Пушкина», ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 82 и 410—411.

² 26 [апреля].

³ «Переписка Пушкина», ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 152—153, ср. в «Письмах Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 8, 58 и 177.

⁴ Вера Федоровна Вяземская переехала в это время в подмосковное имение Вяземских, в Остафьево.

⁵ 30 [апреля].

⁶ 8 мая.

⁷ Толстой, Федор Иванович, «американец».

⁸ «*L'âne mort et la femme guillotinée*» (Мертвый осел и обезглавленная женщина), повесть Jules Gabriel Janin, приписывалась Виктору Гюго. См. письмо Пушкина к В. Ф. Вяземской, «Переписка», т. II, стр. 143.

goletta.¹ И Пушкин пускается в l'âne mort: пишет послание к Юсупову.² Ах! он проклятый! Неужели после того будет он тою же рукою трепать и невесту свою?»³

«Разве Пушкин не едет к бабушке⁴ в Калугу?»⁵

«Обедал я у Пушкина Сергея Львовича. Сегодня минуло 31 год жениху».⁶

К сожалению, не дошли до нас письма Веры Федоровны, в ответ на которые писал Вяземский и содержание которых сообщало что-то, что осталось неизвестным.

Из «Переписки», относящейся ко времени сватовства Пушкина (начиная с первого его письма к матери Гончаровой), можно кое-что извлечь, указывающее на то, что Пушкин, по выражению Вяземского, «утешался в горе». 16 октября 1829 года, по возвращении с Кавказа, Пушкин пишет из Малинников А. Н. Вульф письмо, содержание которого можно определить как утешение в горе; впечатление от полученного письма Вульф заносит в «Дневник», замечая, что Пушкин не изменился и остался «циническим волокидою».

15 ноября того же года в письме к С. Д. Киселеву Пушкин просит кланяться «неотъемлемым нашим Ушаковым». В январе 1830 года Пушкин через Бенкендорфа обращается с просьбой отпустить его за границу или сопровождать русское посольство в Китай. В письме в январе же к Вяземскому спрашивает: «Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова моя же?»

П. О. Морозов («Семейная жизнь Пушкина») в желании Пушкина уехать («Поедем, я готов», элегический отрывок) и в вопросе Вяземскому о Гончаровой и об Ушаковой с одинаковым определением «моя» видит тревожное переживание поэта, боявшегося неудачного окончания сватовства к Гончаровой. Но Вяземский в своих письмах настойчиво не хочет верить «порывам законной любви» Пушкина и в одном из писем пишет: «Все у меня спрашивают: правда ли, что Пушкин женится? В кого же он теперь влюблен между прочими?»

¹ Автор — Hyacinthe-Josephe-Alexandre Thobaud, известный под именем Henri de Latouche.

² «К вельможе» (Кн. Н. Б. Юсупову в Архангельское). 1830. См. Материалы П. В. Анненкова, стр. 246, и П. И. Бартенева, «Русский архив» 1887, III, стр. 454.

³ [22 мая].

⁴ Дедушка Н. Н. Гончаровой — Афанасий Николаевич Гончаров.

⁵ 23 [мая].

⁶ 26 [мая].

Насчитай мне главнейших»,¹ и позже: «Правда ли, что Пушкин едет сюда до свадьбы и правда ли, что он попрежнему влюблен в NB в невесту NB не в чужую?»,² подчеркивая поставленными нотабенами свой вопрос.

А незадолго до свадьбы Вяземский писал³ Пушкину: «Что ты выдаешь себя за такого нежного любовника и верноподданного жениха?»

В письме из Болдина к Плетневу⁴ Пушкин, объясняя, «в чем было дело», признавался: «Но я видел уже отказ и утешался чем ни попало». Очевидно, не один Вяземский упрекал Пушкина, что он утешается в горе. В письме к Плетневу⁵ же Пушкин жаловался на московские сплетни, доходившие до ушей невесты и ее матери, и как на последствие указывал на размолвки и ненадежные примирения. А из Болдина ему же писал: «Ты не можешь вообразить, как веселс удрать от невесты, да и засесть стихи писать».

О чем бы ни писал Вяземский жене в период лета 1830 года, мысль его постоянно обращается к женитьбе Пушкина и звучит тревогою, редко шуткою.

«Я теперь читал в записках о Байроне, — пишет Вяземский, — эпоху его женитьбы и сердце часто сжималось от сходства с нашим женихом: Байрона очень тревожило, что нельзя венчаться в черном фраке, а должно в синем; он же кроме черного фрака не носил»⁷

Письмо не дает указаний, в чем Вяземский находил сходство, но, просматривая литературу, можно предположить, что сходство это Вяземский мог находить и в светских успехах бурно проходящей жизни обоих поэтов; и в первых неудачных сватовствах, хотя и с различными оттенками чувства (Мэри Чаворт и Софья Федоровна Пушкина); и в нерешительных ответах обоим на первое предложение, сделанное ими будущим женам (Наталья Гончарова и мисс Арабелла Милбэнк); и в желании обоих в случае неудачного сватовства уехать. В автобиографии «С французского» Пушкин писал: «Но если мне откажут, думал я, поеду в чужие края» и т. д. Байрон, сообщая

¹ 27 [марта].

² 18 [июня].

³ См «Переписку». Письмо от 14 января 1831 года

⁴ Там же Письмо от 29 сентября 1830 года

⁵ Там же Письмо от 31 августа 1830 года.

⁶ См «Переписку». Письмо от 9 сентября 1830 года

⁷ 26 [мая]

Томасу Муру, что его предложение принято, добавлял: «Не случись этого, я поехал бы в Италию».

Сердце Вяземского сжималось от сходства, которого он мог бояться для Пушкина и в будущем, так как брак Байрона был разорван через три месяца после рождения его дочери.

Очевидно, письма Веры Федоровны давали повод для беспокойства Вяземского, которое увеличивалось от подозрения, что те сведения, которые она ему сообщает о Пушкине, могут быть известны правительству: «Зачем ты мне о Пушкине сплетничаешь по почте? Разве ты не знаешь, что у нас родительское и чадолубивое правительство, которое за неимением государственных тайн занимается домашними тайнами любезнейших детей своих? Я почти уверен, что твои письма читают. Наши тайны пускай узнают, но не должно выдавать других. Между тем, что ты говоришь мне о Пушкине, меня сокрушает. Правда ли, что мать Гончарова не очень жалует Пушкина, и что у жениха с невестой были уже ссоры?»¹

«То, что ты рассказываешь мне о нашем приятеле, очень меня огорчает. Впрочем, брат его сказал мне, что он у невесты. Признайся, моя голубушка, что ты хотела сделать *d'une pierre deux coups*,² когда писала: *il est bon désireux de faire le bien, mais sans nulle persévérance et sans énergie*.³ Ногтем сердца ты подчеркнула эти слова, я заметки не вижу, но ее чувствую, так ли?»⁴

Как раз в июне месяце, от которого сохранилось черновое письмо Пушкина к Н. Н. Гончаровой тревожного характера, Вяземский, видимо, получив от жены или от Пушкина какие-то сведения, пишет жене: «Отчего наш жених в собачьем расположении? Здесь все говорят, что он сюда будет».⁵

День своего рождения Петр Андреевич отметил острою: «Не отец ли Гончаров присоветовал Гончаровой итти замуж за Пушкина? Вот что я подарил себе на зубок в день рождения. Сообщи ему»⁶ Острота заключалась в том, что отец Гончаровой, Николай Афанасьевич, с 1823 года был в состоянии помешательства.

В июне Вяземский уже определенно пишет о свадьбе Пушкина в Париж А. И. Тургеневу и, сообщая жене о помолвке

¹ 4 июня.

² Одним камнем два удара.

³ Он весьма склонен делать добро, но у него нет никакой настойчивости и энергии.

⁴ 2 [июня].

⁵ 20 [июня]

⁶ 12 июля]

Ивана Алексеевича Пушкина, добавляет: «видно на Пушкиных наша брачная полоса».¹

В июле из Ревеля, куда Вяземский уехал лечиться, он писал: «Что Пушкин? Поехал ли в Питер? Когда свадьба и где? У нас ли в Остафьеве? Получила ли ты мое письмецо к нему?»² И тем не менее недоверие его к серьезному увлечению поэта продолжалось: «Жаль мне, если Пушкина уже в Петербурге не застаю. То-то моя Элиза волнуется. Я боюсь, чтобы в Петербурге Пушкин не разгончаровался:³ не то, что влюбится в другую, а зашалится, заматается. В Москве скука и привычка питают любовь его».⁴

И, может быть, Вяземский был не совсем далек от истины. Приехав в Петербург, Пушкин 20 июля писал своей невесте: «Петербург мне кажется уже довольно скучным, и я рассчитываю сократить мое пребывание здесь насколько могу», а 4 августа в письме Вяземского к Вере Федоровне приписывал: «J'avoue à ma honte que je m'amuse à Pétersbourg et je ne sais trop comment et quand je serai de retour»⁵.

«Sans persévérance, sans énergie»,⁶ как будто поясняет Вяземская причину создавшихся между Пушкиным и его невестою недоразумений, как восемнадцать лет перед тем, когда поэту было тринадцать лет, надзиратель лицей по учебной и нравственной части М. С. Пилецкий официальный отзыв о нем заключал словами: «В характере его вообще мало постоянства и твердости».⁷

Если бы нашлись письма В. Ф. Вяземской, сообщавшей мужу все новости из Москвы, которые она могла знать близко, почти точно можно было бы установить причину возникших неустойчивых отношений между поэтом и его невестой и семьей последней. Видимо, и мужу и жене Вяземским были известны те недоразумения, которые могли помешать свадьбе и под влиянием которых складывалось настроение Пушкина, писавшего 31 августа из Москвы Плетневу: «Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни».

¹ 23 [июня].

² 18-го — Ревель.

³ О приписываемых Пушкину стихах: «Я пленен, я очарован», см. Сочинения Пушкина, под редакцией Ефремова, VIII, стр. 321—322, под редакцией П. Морозова, II, стр. 520 и др.

⁴ Без даты [Ревель].

⁵ Признаюсь, к моему стыду, что в Петербурге я развлекаюсь и решительно не знаю, как и когда я возвращусь.

⁶ Без настойчивости, без энергии.

⁷ К. Я. Грот, «Пушкинский лицей». СПб. 1911, стр. 361.

Письма Вяземского жене, даже в приведенных небольших отрывках, дают впечатление постоянного беспокойства за судьбу Пушкина. Нерешительный ответ Гончаровых на первое предложение, сомнения в «порывах законной любви», предположение, что в Москве «скука и привычка питают любовь», тревога, создаваемая доходящими из Москвы слухами и размышлением о сходстве с Байроном и, наконец, возможное воспоминание о первом неудачном сватовстве к Софье Федоровне Пушкиной — все могло наводить на Вяземского, близкого человека к поэту, тяжелое раздумье и тревожную заботу.

«Переписка», относящаяся к вопросу о сватовстве Пушкина, вся носит неустойчивый, неприятный характер. Неуверенность в осуществлении свадьбы, материальное неустройство, нелады с матерью невесты, равнодушие невесты, проскальзывающее в письмах Пушкина и, может быть, невольно выраженное в автобиографическом очерке «С французского» словами: «Наденька подала холодную, безответную руку», сплетни о возможности выхода замуж Гончаровой за другого — все дает впечатление неизвестности и сомнения.

Но «Переписка» до конца августа, до письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой носит более спокойный характер, нежели в последующее время. Два-три раза за этот период чувствуется какая-то тревога. В июньском черновом письме к невесте — «*toutes mes craintes me reviennent plus vives et plus noires*», в письме к Вяземскому¹ — намек на «сердце и теперь совсем счастливое», и в письме к матери Гончаровой, с которым Пушкин обратился к ней после годичного перерыва — «*Votre silence, votre air froid, l'accueil de Mademoiselle N. si léger, si inattentif*»². Если брать время с 4 марта — когда Пушкин выехал из Петербурга — пребывания его в Москве и с 19 июля до 10 августа — в Петербурге, откуда Пушкин вместе с Вяземским возвратился в Москву, то, судя по «Переписке», можно думать, что недоразумения начались перед самым отъездом в Болдино, т. е. с конца августа — с письма к Н. Н. Гончаровой.

Письма Вяземского к жене являются интересными уже потому, что дают сведения за время пребывания Пушкина в Москве, и из них видно, что недоразумения начались ранее конца августа, может быть, вскоре после того как предложение было принято, т. е. с начала апреля. Письма Вяземского, поме-

¹ Все мои опасения восстают предо мною в более живых и мрачных красках.

² Ваше молчание, ваша холодность, прием мадемуазель Н. такой небрежный и невнимательный.

ченные апрелем, уже тревожны. И те небольшие намеки на состояние тревоги, которые проскальзывают в «Переписке» в период пребывания Пушкина в Москве до отъезда его в Петербург, в письмах Вяземского получают более реальную форму. Следовательно, все переживания, весь тот комплекс нервных настроений, под влиянием каких бы то ни было переплетающихся недоразумений ни возникли они, были более предложительны, более интенсивны, чем дает возможность предполагать «Переписка». Они шли с ранней весны.

К личным недоразумениям прибавлялась «забота», по выражению Вяземского, «родительского чадолюбивого правительства». Эта забота, ярко выраженная письмами Бенкендорфа, является на протяжении всего этого времени. Невольный узник Болдина, привезший туда неизжитое волнение, стремящийся прорваться через карантин навстречу новым тревогам, беспокойный неприятными известиями, Пушкин отдается работе. Неоконченное волнующее переживание разрешается наивысшим напряжением творческих сил. «Степь да степь»¹ отодвигают московские переживания. Работу охраняют тишина и осень.

М. Барокова-Майкова

VII

К источникам «Египетских ночей»

1

По свидетельству пушкиноведов (Анненкова, Ефремова, Морозова, Лернера, Брюсова и др.), первая мысль о произведении, оформившемся впоследствии в неоконченную повесть «Египетские ночи», возникла у Пушкина в 1824—1825 годах под непосредственным воздействием чтения Виктора Аврелия («De viris illustribus») и в связи с рассказом последнего о ночах Клеопатры. Воздействие это было, очевидно, настолько живо, что Пушкин тогда же набросал и первый² вариант тоже незакончен-

¹ Письмо к Плетневу.

² Я. Багдасарянц предполагает, что этому варианту предшествовал еще какой-то другой (см. «Пушкин, статьи и материалы», под ред. М. П. Алексеева, в. II, Одесса, 1926, стр. 88—91). Это предположение подтверждается последней работой над текстами «Египетских ночей», сделанной С. Бонди в книге: «Последние страницы Пушкина» (Кооперативное изд-во «Мир», Москва 1931, стр. 148—205), который приводит и начало отрывка. Книга С. Бонди появилась почти через год после написания

З В Е Н Ь Я

СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ XIX ВЕКА.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА,
Л. Б. КАМЕНЕВА И А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

III—IV

А С А Д Е М І А
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 3 4